

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

*М. Э. Дубровина***ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
СУБСТАНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (ИЗАФЕТОВ)
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ
(В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННЫМ ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена рассмотрению атрибутивных притяжательных конструкций в языке ДТРП и в современном турецком языке, которые, в согласно традиционному взгляду в тюркологии, рассматриваются как генетические родственники. В тюркском языкознании эти атрибутивные конструкции называют изафетами. Существует три типа изафетов. Каждый из них передает принадлежность, т. е. отношение между двумя предметами, один из которых воспринимается как обладатель, другой как объект обладания.

Автор обращает внимание на то, что в двух языках аналогичные изафеты имеют различные функции. Кроме того, в древнем языке трудно найти закономерность употребления изафетов первого, второго и третьего типа. Зачастую для передачи схожего смысла могут быть использованы разные изафеты. А в современном турецком языке зоны употреблений всех типов изафетов очерчены очень четко.

Отправной точкой для теоретического осмысления этих фактов языка ДТРП является идея, согласно которой строй этого языка формируется под влиянием определенной детерминанты — принципа экономии служебных элементов (концепция Г. П. Мельникова). Именно под влиянием этого принципа в текстах древние тюрки предпочитали использовать безаффиксальный изафет, если же смысл был более сложным, то притяжательная связь передавалась изафетом второго типа, только для выражения притяжательной связи между уникальными предметами привлекался третий тип изафета, который был наиболее морфологизированным. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: тюркология, грамматика тюркских языков, синтаксис, атрибутивные конструкции, рунические надписи.

**ABOUT THE STAGES OF DEVELOPMENT OF THE ATTRIBUTIVE SUBSTANTIVE
STRUCTURES IN THE LANGUAGE OF THE ANCIENT TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS
(IN COMPARISON WITH THE MODERN TURKISH LANGUAGE)***M. E. Dubrovina*

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to the attributive possessive constructions in the Ancient Turkic language and in modern Turkish. In Turkic linguistics these structures are called *izafet*. There are three types of *izafet* constructions. Each of them represents possession. Possession, in the context of linguistics, is an asymmetric relationship between two constituents, the referent of one of which (the possessor) in some sense possesses (owns, has as a part, rules over, etc.) the referent of the other (the possessed).

The author draws attention to the fact that in two Turkic languages, one of which is considered to be the primogenitor of another, similar *izafets* have different functions. In addition, in the ancient language it is difficult to find the regularity of use *izafets* of first, second and third types. Often, various *izafets* can be used to convey a similar sense. The areas of usage of all types of *izafets* in the modern Turkish language, on the contrary, are outlined very clearly.

The starting point for a theoretical understanding of the facts of this language is the idea according to which the structure of this language develops under the principle of economy of affixes (G. P. Melnikov's concept). Author assumes that the ancient Turks under the influence of the Ancient Turkic principle in the texts preferred to use the first type of *izafet* — construction without any affixes, but if the meaning of the sentence was unclear, native speaker used second type of *izafet* — construction with one affix. And only in the case where a possessive relationship between two unique objects was to be expressed, the native speaker could use the third type of *izafet*. Refs 10.

Keywords: Turkology, Grammar of the Turkic languages, syntax, attributive structures, runic inscriptions.

Как известно, одной из разновидностей атрибутивных определительных отношений признаются притяжательные отношения, которые в тюркских языках способны передавать весьма широкий спектр реальных взаимоотношений между предметами, от отношений личной собственности («реальной принадлежности», т. е. притяжательные в узком смысле) до таких отношений, которые исследователи именуют «принадлежностью в широком грамматическом смысле» [1, с. 43]. В качестве языковых средств, которые выражают подобные отношения в тюркских языках, выступают определенные синтаксические конструкции — притяжательные словосочетания. В таких словосочетаниях и первый (определение), и второй (определяемое) компоненты относятся к словам или словоформам, передающим субстантивную семантику, среди которых могут быть существительные, местоимения, субстантивированные причастия, а также субстантивные формы глагола: *сафы*¹ и *масдары*. За такими определительными субстантивными конструкциями в тюркском языкознании закрепился термин «*изафеты*», или *изафетные конструкции* [2].

Изафетные конструкции в тюркских языках образуются тремя разными способами, в соответствие с которыми первый и второй компоненты оформлены по-разному: в первом случае в качестве первого и второго компонентов выступает основа имени; во втором случае первый компонент — это основа имени, второй — словоформа с личным аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.; в третьем случае первый компонент представляет собой словоформу с аффиксом родительного падежа, второй — словоформу с личным аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.

В предлагаемой статье проводится анализ фактов языка рунических памятников, составленных в период с VI по IX в. [3]. Автор исходит из того положения, что язык этих надписей (далее — язык ДТРИ) является неким генетическим предшественником современного турецкого языка, вследствие чего автором ставится задача на материале двух языков проследить диахроническую линию как семантического, так и формально-морфологического развития *изафетных притяжательных конструкций*.

В связи тем, что турецкому языку в последнее время уделяется большое внимание как самими турецкими, так и иностранными, в том числе российскими исследователями, его фактический материал достаточно хорошо описан в различных грамматиках и учебных пособиях. Практически общим местом в современной туркологии является определение того, как функционирует каждый тип *изафета*. В целях

¹ *Саф* — субстантивно-адъективные формы глагола, распространенные в тюркских языках.

удобства сравнения функций изафетных конструкций, которые обнаруживаются на заре тюркских языков — в рунических памятниках, с современными турецкими имеет смысл ввести краткое описание последних.

В современном турецком языке *первый тип изафета* (изафет I) обычно используется для соотнесения одного предмета с классом предметов, называющих вещество, исходный материал, нацию или народность, т. е. для выражения самой абстрактной притяжательной связи.

Второй тип изафета (изафет II) передает такую притяжательную связь, которая возникает между конкретным предметом и любым *классом* предметов. Такая связь в русском языке выражается словосочетанием типа 'спортивная обувь' (т. е. связь между предметом 'обувь' и классом общих понятий 'спорт'). Эта связь представляет собой притяжательную связь меньшей степени абстракции, чем первая, и может быть охарактеризована как родовая, классифицирующая.

Третий тип изафета (изафет III) употребляется в том случае, когда притяжательная связь осознается как вполне конкретная связь между обладателем и предметом обладания, типа рус. 'комната сына'. В турецком языке такая связь имплицитруется посредством конструкции, в которой слово-обладатель оформляется показателем родительного падежа, а слово — предмет обладания — аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.

С позиций семантики можно проследить некую зависимость между аффиксальным оформлением и степенью конкретности/абстрактности притяжательной связи: в турецком языке морфологическое оформление внутри изафета напрямую зависит от степени конкретности связи — чем она конкретнее, чем явственнее соотносится с отдельными предметами, тем чаще она выражается посредством морфологических элементов.

Таким образом, в турецком языке три разных изафета благодаря своему различному морфологическому устройству выступают синтаксическими средствами выражения разной степени абстрактности *притяжательных связей* — от максимально абстрактных (в первом случае) до максимально конкретных (в третьем случае).

В текстах рунических памятников, составленных на языке, который древнее современного турецкого языка более чем на 10 веков, также можно встретить все три способа выражения притяжательной связи, однако их употребление отличается от свойственного современному турецкому языку.

Описать и попытаться объяснить имеющиеся семантические различия между одними и теми же изафетами языков двух разных эпох и является целью настоящего исследования.

Предваряя основной анализ, можно заметить, что первое, что бросается в глаза при изучении фактического материала древних памятников, это видимое отсутствие четкой привязки семантики к формальному ее выражению. Другими словами, есть основания констатировать, что степень конкретности притяжательной связи не является единственным и неоспоримым критерием для употребления того или иного типа изафета. В тексте (в речи) могут быть употреблены как аффиксальные способы передачи достаточно конкретной с точки зрения современного человека притяжательной связи (изафет II или изафет III), так и безаффиксальный способ (изафет I).

Однако давайте рассмотрим все три типа изафетных словосочетаний более детально.

Изафет I

В большинстве современных тюркских языков употребление этого типа изафета, в котором имена существительные в позиции определения и определяемого связаны простым соположением, обычно детерминируется семантическими условиями: определение указывает на вещество или материал, из которого сделан предмет, выражаемый определяемым. Тот же семантический критерий может обусловить использование этого типа определительной конструкции и в языке ДТРП:

1. **Altyn örgin** (IB, 1) 'золотой трон' (букв. золото трон);
2. **Temir qapuu** (Ktm, 4; Tk, 45) 'железные ворота' (букв. железо трон);
3. **Taş barq** (Mh, 15) 'каменный храм' (букв. камень храм).

Но если в современном турецком языке изафет I употребляется исключительно в вышеуказанном случае, то носители языка ДТРП могли морфологически не оформлять сочетания существительных и в иных случаях — например, когда в качестве определения использовались слова — названия гор, рек и прочих географических мест (1–4), а также слова — названия года по животному циклу (5) [4, с. 218]:

1. **Şantun jazy** (Ktm, 3) 'Шаньдунская равнина';
2. **Ötükän jir** (Tk, 17) 'Отюкенская земля';
3. **Ötükän jiş** (Ktm 3–4) 'Отюкенская чернь';
4. **Ertis ügüz** (Tk, 35) 'река Иртыш';
5. **Viçin jyl** (E 53, 1) 'год обезьяны'.

Также посредством простого соположения компонентов изафета I может быть организовано словосочетание, в котором определение выражено именем существительным, обозначающим название народа, племени, рода.

Baz qayan tokuq oyuz (1) bodun (2) jayy ärmis (Ktb, 14) 'Народ (2) токуз-огузов (1) во главе с Баз-каганом был врагом'².

Факты орхоно-енисейских памятников показывают, что в речи безаффиксальный, лексический способ передачи притяжательной связи мог использоваться намного чаще и для выражения более широкого диапазона смыслов, чем в современном литературном турецком языке.

1. **Anta kisrä Jir Bajirqu (1) uluy Irkin (2) jayy bolty** (Kt, 34) 'После этого великий Иркин (2) (племени) Йир Байирку (1) стал врагом'.

В этом высказывании также можно обнаружить изафет — в качестве определения выступает словосочетание **Jir Bajirqu** (название племени), определяемым является имя собственное **Irkin**. Несмотря на то, что притяжательная связь возникает между этими вполне конкретными предметами, оформлена эта связь не так, как это принято в современном турецком языке (изафетом III), а грамматически значимым соположением.

На основании фактов памятников можно констатировать, что в редких случаях и показатель винительного падежа –(у)ү также способен выступать в качестве средства, опосредованно указывающего на то, что между предметами наличествует притяжательная связь, которая не получает эксплицитного, морфологического выражения с помощью специальных аффиксов. Это возможно в тех случаях, когда слова, связанные притяжательной связью, в высказывании наделены функцией дополнения:

...**Türk bodun (1) üläsikig (2) anta añyü kisi ança bosyurur ärmis...** (Ktm, 7) '... тогда злобные люди так научали часть (2) Тюркского народа (1)...'

² В текстах примеров цифрой 1 обозначается определение, цифрой 2 — определяемое в изафетной конструкции.

В этом высказывании в словосочетании **Türk bodun ülāsikig** наличие аффикса простого винительного падежа является сигналом отсутствия специального показателя притяжательной связи.

Подобное явно прослеживается и в следующих высказываниях:

Äkinti Ysbara jamtar (1) boz aty (2) binip tögdi (Kt, 33) *‘Во второй раз, он сел верхом на белого коня (2), (принадлежащего) Ышбара-Ямтару (1)’;*

Anta Tonra Jylpayuty (1) bir uyuşy (2) Tonra tigin joyynta ägärä toqydy (Mh, 31) *‘Тогда я на похоронах Тонгра-текина, окружив, победил один род (2) Тонгыра Ылпауты (1)’.*

В этих примерах отношение принадлежности между объектом обладания и обладателем, как видим, не имеет эксплицитного морфологического выражения, что, как представляется, по нормам современного литературного турецкого языка почти невозможно. Такая связь в современном турецком тексте должна быть оформлена грамматическим способом третьего изафета, независимо от синтаксической роли, в которой выступает определяемый предмет (будет он подлежащим или дополнением).

В тюркологической среде при грамматическом анализе подобных высказываний современных тюркских языков «опущение» показателя родительного падежа при первом компоненте изафетного сочетания считается сознательным [5, с. 121].

С этим мнением можно согласиться, но в таком случае необходимо объяснить причины подобного «опущения». Перед исследователем естественно встает вопрос: *почему в таких словосочетаниях не употреблены соответствующие аффиксы?* Ведь в историческом отношении в эпоху создания рунических текстов в этом языке можно встретить изафетные сочетания иного вида (II и III типов). Как было сказано выше, все три типа изафета уже обнаруживаются в текстах. Но случаи употребления всех этих конструкций лишены четко прослеживающейся внутренней закономерности, что нередко ставит исследователя в тупик. Например, безаффиксный изафет (изафет I), вопреки утверждениям некоторых тюркологов, может быть заменен изафетом II в случаях, когда определением выступает слово-этнимом:

Toquz oğuz (1) bāglari boduny (2) bu sabymyn ädgüti äsid qatydy tynla (Ktm, 2) *‘Правители и народ (2) племени Токуз Огуз (1) очень хорошо, очень внимательно выслушайте мои слова’.*

Üzä türk(1) täprisi(2) türk yduq jiri suby anca timis... (Ktb, 11) *‘Вверху небо (2) тюрков (1) (божество тюрков) и священная земля и вода тюрков так сказали...’*

Интересны случаи, в которых колебания в сфере употребления разных типов изафета проявляются косвенным образом. В позиции прямого дополнения указание на имеющуюся притяжательную связь может быть выражено посредством аффикса -(y) n. Как уже упоминалось выше, традиционно считается, что если такая связь эксплицитно не выражается, то используется аффикс простого винительного падежа -(y)u:

Türk begler türk (1) atyn (2) yty Tabyaçy begler tabyaç (1) atyn (2) tutupan... (Ktb, 7) *‘Тюркские правители сложили с себя свои тюркские (1) имена (2), приняв титулы (2) правителей народа Табгач (1)’;*

Çoğaj (1) quzyn (2) Qara (1) qumy (2) olurur ärtimiz (Tq, 7) *‘Мы обосновались (проживали) в Чогайской (1) низменности (2) и в Кара (1) кумах (2) (букв. в Черных песках)’.*

В словосочетании **Çoğaj quzyn**, которое традиционно рассматривается исследователями в качестве притяжательной конструкции, определение **Çoğaj** связано

с определяемым словом показателем –(y)n. Однако следующий пример интересен тем, что словосочетание *Çoyaj jis* построено по принципу простого соположения слов:

Türk bodun üläsikin birijä Çoyaj (1) jis (2) tügül tün jazy qonajın tisär ... (*Ktm, 7*) *Тюркский народ, когда твоя часть говорила: желаю селиться не только справа (т. е. на юге) в Чугайской (1) черни (2) ...*

Показательны и любопытны примеры, в которых близкие с синтаксической точки зрения высказывания чередуют употребление разных типов изафета для выражения притяжательной связи:

Kül tigin Ögsiz (1) aqyn (2) binip toquz ärin sančdy (*Ktb, 48–49*) *‘Кюль тегин сел на белого (коня) (2) Огсиза (1), заколол 9 воинов’;*

Kül tigin Az (1) jayuzyn (2) binip tägdi äki ärig sančdy balyqa barmady (*Ktb, 47–48*) *‘Кюль тегин, сев на гнедого (2) Азского (1) (коня), выступил (с боем), заколол двух воинов, на город не пошел’;*

Kül tigin Azman (1) aqyy (2) binip, tägdi, sančdy (*Ktb, 46*) *‘Кюль тегин, сев на белого (2) (коня) Азмана (1), вышел в бой и победил’.*

Известны случаи других тюркских языков, например кумыкского, в которых также, в отличие от распространенного в современных тюркских языках способа сочетания слова-этнонима с определяемым словом по типу изафета II, употребляется безаффиксальный тип: *къумукъ тил* ‘кумыкский язык’ вместо привычного в этом случае *къумукъ тил-и*.

Перед исследователем вновь возникает вопрос: *почему одна и та же притяжательная связь в разных тюркских языках, и тем более в одном и том же языке, может быть выражена разными типами изафета?*

Изафет II

В текстах рунических памятников встречаются высказывания, в которых для выражения притяжательности также употреблен изафет II:

Bodunyy äčüm apam (1) törüsinča (2) jaratmis bosyurmıs (*Ktb, 13*) *‘Народ он устроил и направил в соответствии с законом (2) моих предков (1)’.*

Между тем в приведенном примере в сочетании ‘закон моих предков’ **äčüm apam törüsi**, который оформлен изафетом II, первый компонент **äčüm apam** наделен личным аффиксом принадлежности ‘мой’. Если следовать формальным законам современного турецкого языка, то наличие аффикса принадлежности у слова-обладателя требует употребления у этого слова родительного падежа и тем самым общего оформления словосочетания по принципу изафета III.

Изафет III

В рунических надписях обнаруживаются варианты полного изафета, или изафета III, т. е. атрибутивных словосочетаний, в которых каждый компонент (и определение, и определяемое) имеет морфологическое оформление: первый — аффикс родительного падежа, второй — личный аффикс принадлежности 3 л. ед. ч.:

Türk bodunyy (1) ilin törüsin (2) tuta birmiř (*Kt, 8*) *‘Тюркские каганы поддерживали государство и законы (2) тюркского народа (1)’ (Изафет III: bodunyy ilin törüsin ‘букв. народа государство+его закон+его’);*

Bilgä qağanyy (1) bodunyy (2) ... (Oa, 3) *‘Народ (2) мудрого кагана (1) ...’ (Изафет III: qağanyy bodunyy ‘букв. кагана народ+его’);*

Ol qanym älimiñ (1) bänüsi (2)... (E 24, 2) ‘*Это — вечный памятник (2) моего хана и моего государства (1)*’ (Изафет III: **älimiñ bänüsi** ‘букв. моего государства вечный памятник+его’).

Личные местоимения в форме родительного падежа также способны репрезентировать субъект обладания в притяжательных конструкциях:

Türgiñ qayan anča temiñ beniñ (1) bodunym (2) anta ärür (Tk, 21) ‘*Тюркешский каган так молвил: «Мой (1) народ (2) там будет»*’;

Meniñ (1) süm (2) uç... (Mç, 33) ‘*Мои (1) войска (2) три...*’

В текстах можно встретить необычные для тюркских языков случаи. В таких непривычных словосочетаниях слово-определение стоит в форме родительного падежа, а определяемое не присоединяет ожидаемый личный показатель принадлежности:

...üciñc Jayyn Silig bägiñ (1) kädimlig toru at (2) binip tägdi (Kt, 33) ‘*В третий раз он сел на оседланного гнедого коня (2) Йагын силиг бека (1)...*’

Подобные же примеры можно встретить тогда, когда обладатель выражен личным местоимением с показателем родительного падежа, определяемое же слово в силу каких-то причин остается без морфологического оформления:

Biziñ (1) sü (2) aty turuq azuqu joq ärti (Ktb, 39) ‘*Кони нашего войска тощие, корма у них не было*’;

Siziñ (1) är at (2)... (E 26) ‘*Ваше героическое имя*’;

Biziñ (1) sü aty (2)... (Ktb, 39) ‘*Кони нашего войска*’.

В последнем примере у определяемого слова присутствует аффикс принадлежности, но не 1 л. мн. ч., как необходимо, а 3 л. ед. ч.

В ходе исследования текстов рунических памятников удастся выделить следующие моменты.

1. Несмотря на то, что в текстах обнаруживаются все три типа изафета, бесспорно, в качестве доминирующего способа выражения притяжательных отношений выступает лексический (первый тип), который способен заменять как второй, так и третий тип изафета.

2. В качестве особенности этого древнего языка можно признать стремление привлекать неаффиксальный способ выражения притяжательности — способ простого соположения слов.

3. Налицо также колебания в сфере употребления изафета II и изафета III, возможность использовать изафет II вместо изафета III и общая неустойчивая норма использования этих конструкций для передачи притяжательных отношений.

4. В рунических текстах встречается притяжательная конструкция, которая, очевидно, в ходе исторического развития так и не стала нормативной и употребительной, по крайней мере в литературном турецком языке. Это конструкция, в которой слово-обладатель имеет морфологический показатель, а слово, передающее объект обладания, такого оформления не получает.

Несомненно все эти факты ставят исследователя перед необходимостью найти некое объяснение указанных явлений. На мой взгляд, перспективным направлением лингвистического исследования можно признать *поиск связи между функционированием конкретных форм и строем языка в целом*.

При планомерном изучении отдельных языковых фактов растет убежденность одновременно в том, что многие особенности обусловлены морфологическим типом

изучаемого языка, и в том, что морфологическая классификация языков должна не столько опираться на способ выражения служебной информации посредством разного типа морфем, сколько пытаться найти причину употребления именно тех морфем, которые выделяются в качестве ведущих в каждом типе языков.

Другими словами, перед типологом в первую очередь должен стоять вопрос: почему в агглютинативных языках употребляются морфемы, которые с легкостью отделяются друг от друга? Или — отчего во флективных языках словоформа представляет собой практически неделимое единство? Таким образом, установление разновидности морфемы, а шире — типа способа передачи служебной информации, должно быть лишь первой ступенью в поиске глубинного критерия, формирующего языковой тип.

На мой взгляд, агглютинативный язык тюркского типа определяется не тем, что в нем в качестве доминирующего способа передачи служебной информации используются однозначные аффиксы, границы между которыми в большинстве случаев легко обнаруживаются, а тем внутренним законом, который диктует языку создавать именно такие морфемы. Этот закон, бесспорно, является причиной всех особенностей, выделяемых исследователями в тюркских языках как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса [6].

Благодаря исследованиям ряда ученых [7; 8] удается сформулировать закон устройства тюркских языков, который заключается в том, что носитель языка имеет постоянную возможность в речи экономно использовать морфологические показатели и имеет *право выбора*: может употреблять аффиксы в речи лишь тогда, когда в них имеется необходимость. На основании этого закона в тюркских языках формируется *тенденция к экономной аффиксации*, которая наделяет аффикс необычной для морфемы самостоятельностью, нередко сравниваемой со значимостью самостоятельного слова индоевропейских языков.

Вслед за многими специалистами по алтайским языкам, можно поддержать мнение о том, что первоначально общая структура всех алтайских языков характеризовалась значительной неопределенностью и отношения между элементами действительности в высказывании определялись на основании порядка слов, означающих эти элементы [9, с. 338]. То есть именно стремление к *неупотреблению* грамматических показателей тогда, когда информация ясно передается контекстом, было причиной того, что для тюркского языка первобытного (дорунического) периода могут быть характерны высказывания, в которых любая служебная информация передается *имплицитно*, без участия морфологических показателей, а только лишь посредством линейного соположения слов.

Следовательно, и для передачи притяжательной связи вначале, вероятно, мог использоваться способ соположения, как единственно возможный в «корневом» («аморфном») языке для построения атрибутивной конструкции, типа **Qayan at** ‘хан конь’ в смысле ‘ханский конь’ и даже ‘конь хана’.

А. М. Щербак приводит встречающиеся в диалектах современных тюркских языков примеры безаффиксного сочетания имен, семантические отношения между которыми являются притяжательными [10, с. 82]. При этом А. М. Щербак заключает, «что возможность выражения принадлежности посредством сочетания имен по способу примыкания вполне реальна» [10, с. 82]. Таким образом, *соположение* можно признать первой ступенью в развитии изафетных конструкций в плане диахронии.

Этим можно объяснить наличие в орхоно-енисейских текстах в качестве рефлексов такого явления большого количества случаев передачи притяжательности безаффиксальным путем.

Усложнение языковой ситуации, вероятно, побуждает язык искать новые пути и для передачи соответствующих смыслов. Если соположение уже не устраивает в качестве удобного и понятного способа выражения принадлежности, то эту связь необходимо подкрепить каким-то служебным элементом, т. е. появляется необходимость введения в высказывание неких «уточнителей», значение которых сводилось бы к более точному указанию на существующее отношение (поначалу очень общее) между элементами. Многие исследователи называют такое первое, начальное употребление аффиксов — употреблением «в целях защиты смысла». Таким образом, начинается поиск более удобного способа преобразовать исходное безаффиксальное высказывание. Поиск, очевидно, мог идти двумя путями — «уточнитель» мог употребляться либо у первого компонента, либо у второго: в словосочетании **Qayan at** «уточнителем» могло оформиться либо слово **Qayan**, либо слово **at**. Этим можно было бы объяснить обнаруживаемый в руническом тексте пример, в котором у определения есть аффикс родительного падежа, а у определяемого слова никакого аффикса нет. Видимо, тюркские языки могли пережить этап, в течение которого происходил отбор наиболее приемлемого способа, что порождало колебания в речевых употреблениях.

Как известно, в тюркских языках прижился тот вариант, в котором показатель добавляется к определяемому слову, т. е. та конструкция, которая в современном тюркском языкознании получила название «изафет II». Этот тип передачи притяжательной связи представляет собой вторую ступень в развитии изафетных конструкций. В пользу предположения о том, что типы притяжательных конструкций развивались последовательно, а не одновременно, свидетельствует якутский язык.

В якутском языке так и не возникло коммуникативной потребности в развитии третьего типа изафета, вследствие чего неразвитой оказалась форма родительного падежа. Притяжательная конструкция типа ‘мой дом’ строится с помощью основной формы личного местоимения, сочетающейся со словом с соответствующим личным компонентом принадлежности [11, с. 47]:

Мин дьиэм ‘мой дом’	(досл. я дом+мой)
Эн дьиэң ‘твой дом’	(досл. ты дом+твой)
Кини дьиэтэ ‘его дом’	(досл. он дом+его)

Очевидно, именно вариант этого языка можно признать промежуточной формой в развитии притяжательных конструкций от простого соположения компонентов до приобретения каждым из компонентов морфологического оформителя. Отделившись от основной массы тюркских языков еще в дорунический период, якутский язык, очевидно, в «законсервированном» виде сохранил ту конструкцию притяжательного соотношения двух предметов, в которой уточняющий эту связь знак появляется только у второго компонента, т. е. у определяемого. Этот факт дает возможность предположить, что в III в., т. е. в момент отпочкования якутского языка, в существующих в то время тюркских языках этот способ выражения отношения принадлежности вполне мог быть распространенным. В языке рунических текстов

этот тип конструкции предстает уже в качестве общеупотребительного и регулярно используемого.

Кроме того, можно смело утверждать, что в синхронии языка рунического периода происходит формирование и отработка полного варианта притяжательной конструкции, т. е. происходит процесс, во-первых, «узуализации» формы родительного падежа, а во-вторых — разделения сфер употребления синтаксических конструкций с родительным падежом и без него.

В качестве конечного результат развития изафетных конструкций в тюркских языках может быть принят вариант современного турецкого языка.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Колебания в сфере употребления изафетных конструкций в текстах рунических памятников обусловлены 1) самим строем языка и его основным стремлением к экономии аффиксов в речи; 2) тем, что в синхронии языка еще не закончен процесс разделения и обособления грамматических значений трех типов изафетных конструкций.

В современном турецком языке (который воспринимается в качестве исторического потомка языка ДТРП) эти процессы уже получили свое завершение, вследствие чего в нормативной речи (как письменной, так и устной) случаи колебаний, т. е. отсутствия необходимого морфологического оформления или замены одного изафета другим, сведены к минимуму.

Литература

1. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Историческая сравнительная грамматика тюркских языков. Ч. II: Морфология. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. С. 38–40.
2. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 187 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
4. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 472 с.
5. Серебрянников Б. А. Об устойчивости агглютинативного строя // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука, 1965. С. 7–26.
6. Мельников Г. П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 395 с.
7. Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. III. Ч. I. СПб., 2007. С. 109–117.
8. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 371 с.
9. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. 191 с.
10. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I: Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент;
maggydu@rambler.ru

Dubrovina Margarita E. — PhD, Associate professor; maggydu@rambler.ru